

ГЛАВА 1

ДОМ

Жочь встретила Якоба криками и горьким дымом. Он окутывал задний двор, как наползающий на болота туман, и в нем мерцали такие же дикие огни. Якоб не до конца проснулся и сначала ничего не понял. «Глупый мальчик», — прошептал ветер и бросил под ноги кусок обгоревшего вороньего знамени.

Горт стонал. Красный зверь накинулся на замок — трещали дерево и раскаленный камень, повсюду сновали неясные тени. Якоб натужно закашлял и закрыл рот рукавом ночной рубашки. Помедлив, ступил босыми ногами на снег и тут же угодил во что-то скользкое и теплое. От запаха гари мутило, а голова кружилась — вечером лекарь давал сонное молоко. Якоб наклонился, протянул вперед растопыренные пальцы — и поднял с земли конец тонкой кишки. Такие же вываливались из нутра людей, которых крестьяне приводили в Горт на Урбон. Пар поднимался над свежей требухой, кровь собиралась в жертвенные чаши, и Якоб вспомнил солоноватый привкус на языке.

Вот только Урбон давно прошел.

Якоб взглядом проследовал за натянутой кишкой и, подойдя ближе, узнал в лежащем человеке одного из отцовских воинов. Рыжий Боред смотрел удивленно, будто не мог поверить, что кто-то его одолел. Когда Якоб перед сном выглядывал в окно, Боред стоял в карауле, отхлебывал из фляжки и хохотал, радуясь грядущей войне. «Весной, не раньше» — так сказал отец плачущей матери. Однако, судя по всему, таианцы решили иначе. Кто-то распорол Бореду — от грудины до паха, и все внутренности оказались посреди снега и грязи.

Раздались цокот копыт и дребезжание сбруи — из клубящейся дымной завесы вырвалась перепуганная лошадь и понеслась прямо на Якоба. Он едва успел отступить, поскользнулся и упал, приложившись подбородком о камни. Рот тут же наполнился кровью. Грива у лошади горела, всадник, застрявший ногой в стремях, безвольно волочился по земле и бился головой о камни.

Следом показались двое: один бросился за лошадью, другой, заметив Якоба, приблизился и поднял его за ворот. Черные глаза мужчины обезумели, рот скривился, по серой одежде расползлись уродливые темные пятна.

— Поднимайся обратно в башню, запишись и никого не впускай. Живо! — и Вальд, один из двенадцати тeneвых воинов отца, толкнул Якоба в грудь и побежал дальше.

Якоб помотал головой, хотя никто на него уже не смотрел, и прикрыл глаза, пытаясь справиться с дурнотой.

Ветер плюнул в лицо снежной крупой и пробрался под тонкую ткань. Плащ и сапоги остались

в комнате лекаря, но Якоб не хотел за ними возвращаться. Надо найти отца. Его знобило — лихорадка забрала все силы из хилого тела, и матушка велела не выходить на улицу еще несколько дней. Она сидела с ним весь вечер, рассказывала сказки — жуткие, такие ему всегда нравились. Но когда Якоб проснулся, стул ее пустовал, а очаг давно погас.

Предчувствие беды скрутилось внутри, вцепилось в кишки разязвленной пастью, и Якоба вырвало желчью.

Шатаясь, он с трудом двинулся вокруг башни. Руки тряслись от страха и холода. Раньше Якоб воображал себя воином, гордо несущим родной стяг над поверженными врагами. Рядом с ним были брат и отец, и они втроем, смеясь, праздновали множество побед. Он грезил битвами, хотя Норвол говорил, что его младший сын не создан для меча. Вероятно, говорил правду. На деле все оказалось хуже, чем в мечтах, и сейчас Якоб обмирал от ужаса.

Ему захотелось помочиться, но остановиться и сделать свое дело он не решился. Боялся, что так и упадет в снег со спущенными штанами, а подняться не сможет. От мысли, что его, замерзшего, найдут в таком виде, опять сделалось дурно. Якоб вспомнил вспоротое брюхо Боредда, и живот снова скрутило — пришлось согнуться и отплеваться. Лоб покрылся испариной и горел. Может, стоило послушаться Вальда? Но Якоб тут же отругал себя за трусость.

Отец говорил, что Горт возводили вороны сильнее их — настоящие исполины, чьи крылья закрывали половину неба, а крик разносился над лесами на многие мили. Люди уважали птиц, и те, в свою очередь, платили добром — защищали земли от неприя-

телей и воинов, порожденных семенем Слепого бога. Древние перевертыши приносили в когтях валуны, усыпающие склоны Трех сестер, и стены Горта росли, превращаясь в гладкий монолит. Надежный замок, воронья цитадель.

— Это наш дом, и ни одному врагу не взять его ни измором, ни мечом, — говорил Норвол, и Якоб верил ему — до сих пор. Но, вероятно, в мире существовали вещи более страшные, чем сталь, только отец об этом не знал.

Закричали в обожженной тьме колокола — Якоб знал их язык, и сейчас они сообщали о беде. Вслед за ними раздалось пение — высокий голос выводил один завет за другим, и Якоб зажмурился, услышав знакомый мотив. «Только не сейчас, — подумал он, — боги, только не сейчас». Призыв накатывал волной — жар окутывал ноги и руки, чтобы потом уступить место боли. Натягивались мышцы, скручивались суставы, ломались кости — и через минуту срастались вновь. Рвалась кожа, сердце стучало все быстрее, быстрее, разгоняя шумящую в ушах кровь. Он с трудом переносил это, будучи здоровым, а вместе с лихорадкой мог не выдержать.

Якоб всегда смотрел на свою тень, чтобы не потерять сознание, — так советовал Генрих, любивший полеты гораздо больше брата. Только не на руки и не за спину, чтобы не обделаться от ужаса. Тень обращалась первой, и ее безмолвный танец завораживал. Генрих всегда был рядом, держал за руку — по привычке Якоб протянул ладонь, но нашупал только скользкий камень. Его тень между тем растянулась, задергалась, сделалась шире, потом длиннее, ступни словно обожгло огнем — и все тут

же оборвалось, схлынуло. Якоб повалился в снег, потряс головой — дан¹ продолжал петь, только ничего не изменилось. Он остался мальчишкой и не на шутку испугался — вдруг боги слышали его и отняли силу, которую сами же и подарили?

Надо найти отца.

Якоб вывалился из-за угла, снова упал и попытался встать на четвереньки. Пальцы на ногах онемели от холода, руки покраснели и опухли. Песня дана оборвалась, и Якоб поднял глаза.

Здесь было светлее: передний двор превратился в горящую каменную яму. Люди, еще стоявшие на ногах, боролись друг с другом в дымовой завесе — не понять, кто нападает, а кто защищается. Их смертельный танец сопровождали крики, лязг и кровь — ночь наполнилась ею, как чаша, и Якоб втянул носом железный запах. Дым окутывал фигуры призрачными плащами и не позволял рассмотреть нашивки. Те, кто проиграл, лежали в тающем снегу — их было куда больше. Якоб дополз до перевернутой на бок телеги и замер. Зубы стучали, язык распух и едва ворочался.

Ступени слева вели в винный погреб, и оттуда доносился жалобный детский плач. Справа ржали лошади, запертые в стойлах. Якоба затрясло, и он подумал, что сойдет с ума от страха.

Надо найти отца.

Отсюда виднелись колокола. Они высовывали длинные железные языки и продолжали молить о помощи. Но вокруг на многие мили были только снег, ночь и враждебные горы, а до ближайшего воеводства — два дня пути. Никто не придет. Зачерпнув

¹ Дан — заклинатель, поющий заветы для того, чтобы вальравны принимали свой вороний облик.

пригоршню снега, Якоб обтер лицо. «Думай», — приказал он себе.

Ворота распахнуты, но через двор ему не перейти — и на ногах-то держался с трудом, — и первый, кто его увидит, сразу же узнает. Якоб мог ползти — он уже косился на погреб, откуда узкий коридор, петляя, вел в нутро Горта. Но ребенок продолжал плакать и мог выдать и себя, и Якоба. Башня над ним была захвачена в огненный плен, и деревянная обгоревшая труха сыпалась на землю. Оставался один путь.

Якоб нашарил под рубашкой перо и с трудом сжал замерзшими пальцами. Пусть боги решат его судьбу. Он уже собрался покинуть свое укрытие и двинуться вперед, но его остановил свирепый крик:

— Что ж вы делаете?

Якоб выглянул. Спиной к нему, заноса шестопер для удара, стоял Тит Дага — вассал отца, его названный брат и друг. Алый плащ воеводы порвался и обгорел, но серебряный ворон уцелел. Тит приехал на встречу с кронпринцем среди прочих гостей, более того, именно он охранял его в пути от границы с Мегрией до самого Горта. Якоб пытался увязаться следом за ним — ему прежде никогда не приходилось бывать дальше Равнскёга, древней пуци. Но отец не пустил. Жена Тита, Вела, приехала на прием и была добра к Якобу — он помнил цветочный запах ее духов и мягкие руки. Она привезла с собой дочь — темноглазую кроху, человеческого детеныша. Отец говорил, что ребенок чудесный, но Якоб решил, что ему просто не хочется обижать давнего друга. На его взгляд, девочка была безобразной и чересчур крикливой.

Тит сражался с неприятелем в одиночку.

— Что ж вы делаете? — повторил он свой вопрос и шагнул вперед. Якоб закусил кулак, когда услышал хруст костей. Тяжелое дыхание со свистом вырвалось из проломленной грудины.

Тит отступил в сторону и покачнулся. Якоб испугался, что мужчина уйдет или, хуже того, ранен и умрет раньше, чем он найдет отца.

Он поспешно выполз на свет, вцепился в тележный борт и с трудом поднялся на ноги. Тит хрипло дышал и все вытирал рукой лицо, бормоча что-то невнятное.

— Где мой отец?

Тит вздрогнул и обернулся — Якоб увидел лицо, покрытое копотью и кровью. Темная борода Тита дымилась, и через голову тянулся безобразный, в палец шириной, ожог. Обычно приветливое, теперь выражение его лица сделалось звериным — сейчас Дага напоминал монстра больше, чем гравюры в книгах наставника Пельца. От неожиданности Якоб отшатнулся, и взгляд его сместился на умирающего. Тени скользили по бледному лицу, и пепел, кружась, осыпался на развороченную грудь. Но воин был еще жив. Скорее почувствовав, чем увидев Якоба, повернул к нему лицо — и пламя осветило зеленые глаза. Живот сделался тяжелым, будто в него разом насовали горячих камней. По ноге потекло что-то теплое, и Якоб со стыдом понял, что обмочился.

Он попятился, оскальзываясь в кровавом снегу. Но воевода, глянув ему за спину, поспешно шагнул вперед.

— Нет. — Тит сделал еще шаг и протянул испачканную в вороньей крови руку. — Якоб, нет! Идем со мной, Якоб!

Двор снова закружился, и Якоб упал. На этот раз он был уверен, что уже не сможет подняться. «Какая глупая смерть», — успел подумать он, и тут же раздался истошный крик. Тит остановился — его шестопер угрожающе блестел в отсветах пламени.

— Нет, — повторил он, — пожалуйста!

Лишь когда его рот закрыла грубая холодная рука, Якоб понял, что все это время кричал он сам.

— Нам пора.

Запахло требухой, кострами и хвоей — и мир Якоба погрузился во тьму.

Иногда Якоб приходил в себя и тогда видел, как мимо проносилось снежное поле. Мертвый багульник протягивал сухие руки-ветви к небу, по бокам темными полосами тянулся лес. Свистел в ушах ветер, но больше не кусался — руки согрелись под чужим плащом. Однако ноги ниже колена растворились в пустоте. Якоб успел испугаться прежде, чем лихорадка снова отобрала его сознание.

Сон был короткий и тревожный, но яркий: Якоб летел над землей и видел скользящую тень от гигантских крыльев, которых у него никогда не было. Он был исполином и мог сражаться. Якоб торопился — внизу мелькали пастбища и деревни, крепости, замки и горы, и почему-то очень важно было преодолеть Совиный перевал, а там...

Отец склонился над ним и сжал в руках лицо. Похлопал по щекам, довольно хмыкнул и ударил снова, только сильнее. Якоб моргнул раз, другой, и лицо отца исчезло, оставив вместо себя Вальда. Над ними

не было огненных всполохов — лишь зимнее небо, усыпанное звездами. Колокольный звон смолк, только шумел растревоженный подлесок и журчал Нест. Увидев, что Якоб жив и дышит, пусть и с трудом, теневой воин улыбнулся.

— Самое страшное позади.

Якоб не согласился с ним — ноги по-прежнему не двигались, сколько ни пытайся. Он резко сел, отбросил плащ Вальда и с облегчением увидел, что они на месте — только несколько пальцев потемнели. Сглотнул вязкую слюну и снова запахнул ткань. С этим можно разобраться позже. Жадно втянул носом свежий воздух.

— Где мой отец? Что произошло?

Вальд сидел на поваленном дереве и хмуро разглядывал пылающее над Гортом небо. Казалось, что кто-то проделал дыру в небесной ткани и острые шпильки башен окрасились в золото и багрянец. Багряная ночь. Кожаный камзол Вальда покрывали царапины и дыры, а пряди темно-русых волос слиплись от крови и грязи. Дрожащими пальцами Вальд вытянул из-за ворота цепочку и долго рассматривал ворона. Вращал его, после поцеловал и спрятал под рубашкой. Вальд молчал, и это молчание было громче любых слов. Мужчина запрокинул голову, словно пытался найти ответ среди далеких звезд. Потом обернулся к Якобу и положил руку на оголовье меча. Черный клинок Норвола — Вальд спас и его.

— Когда мы вернемся назад? И где... — Тут голос подвел Якоба и сорвался. — Где все?

— Горт пал, — ответ Вальда звучал слишком спокойно для такой новости, — мне очень жаль.

Якоб увидел слезы в глазах воина и разолился.

— Что значит — пал? Жаль? Почему мы ушли оттуда? А как же мой отец? Мама и брат? Мы должны вернуться!

Я вернусь сам, если ты трусишь, — лицо его вспыхнуло от гнева. — Где твой конь?

— Они умерли еще до того, как я нашел тебя, Якоб. Король Стеврон нас предал. Его сын напал ночью и сам открыл ворота подоспевшим войскам. Вот. — Вальд что-то достал из-за пазухи и развернул синее полотно. Рысь Мегрии равнодушно посмотрела на Якоба.

Якоб ударил Вальда по руке, и знамя, подхваченное ветром, ринулось прочь. Его семья была мертва, какое ему дело до жалкой тряпки! Его семья умерла. Якоб сжал голову, и гнев заклокотал в нем.

— Все равно мы должны вернуться, — упрямо повторил Вальду, который поднялся на ноги и теперь нервно озирался. Снег еле слышно хрустел под его осторожными шагами. — Мы должны защищать Горт — пусть даже умрем, не страшно. Ты обещал сражаться за меня, за всех нас! Ты давал клятву.

— Я давал клятву, — не стал спорить Вальд, — и я сдержу ее. Я буду защищать Шегеш, мой князь. Но наш дом утерян. Нас убьют сразу же, стоит покинуть этот лес. К счастью, у меня есть другой план.

Якоб не успокоился, но замолчал. Отец называл Вальда толковым и надежным парнем и поставил во главе дюжины теневых воинов, своей личной охраны. Он дал ему испить вороньей крови перед лицами богов и принял клятву под сенью Равнскёга. Если у Вальда есть план, значит, еще не все пропало.

Вальд еще раз огляделся по сторонам и присел рядом. От него пахло дымом и ржавчиной, а еще — страхом. Он пропитал Вальда так, как если бы был

признаком тяжелой болезни — гноем, сочащимся из ран. Струпьями, отравляющей воздух вонью. Вальд молчал слишком долго, и Якоб всматривался в его искаженное мукой лицо. Воин словно боролся с чем-то, причинявшим ему страдания. А после, закрыв глаза, едва заметно кивнул, будто соглашаясь с самим собой.

Помедлив, Вальд достал фляжку, открутил крышку и поднес к губам Якоба. В нос ударил резкий запах забродивших ягод.

— Выпей. Вино согреет и уменьшит боль. Все будет хорошо. — Вальд криво улыбнулся, но взгляд его при этом остался колючим, как зимний ветер.

Якоб прежде никогда не пил — Норвол говорил, что он слишком мал для взрослого стола. Вино оказалось кислым и обожгло гортань, но Якоб послушно сделал пару глотков. Зажмурился, помотал головой и едва удержался от того, чтобы натолкать в рот снега. Выступили слезы, но в груди потеплело.

— Ну и гадость. — Голос осип, и Якоб закашлялся. — И куда мы отправимся дальше?

— Каждый своей дорогой.

Вальд ударил его так, что щека загорелась, а сам Якоб опрокинулся в сугроб. От неожиданности он не понял, что случилось, а когда захотел сесть, на грудь ему опустилась нога Вальда. Деревья шептались, полные злорадства, звезды равнодушно смотрели на него с холодного зимнего неба.

— Тсс. Полежи, юный княжич. Отдохни, соберись с мыслями. Посмотри вокруг и скажи мне, что ты видишь?

Якоба трясло от жара и гнева, он ощупал лицо и с ужасом понял, что по щекам текут слезы — не кровь. Неужели отец и Генрих тоже плакали перед смер-

тью? Вряд ли. Они были воинами — настоящими мужчинами, достойными стали, и наверняка ушли в другой мир так же гордо, как держались при жизни. А он, Якоб, — слабый птенец, оставшийся без гнезда.

— Не хочешь говорить? Ну так я расскажу сам. — Вальд убрал ногу, наклонился и, сдавив лицо, заставил его смотреть в сторону Великаньих гор. Его пальцы пахли кровью — но не человеческой, а вороньей. Якоб ударил его по руке и получил еще одну пощечину. — Там — твои враги. Король Дамадар молод и горяч, но и он понимает, что против Мегрии и империи ему не выстоять. Да даже если бы он согласился пригреть тебя — горные племена сдерут с нас шкуры живьем еще по пути в Веребур. А их колдуньи сделают из тебя чучело. — Видимо, Вальд увидел, что Якоб плачет, потому что голос его смягчился. — Куда ты пойдешь, мальчик? Одиноким и без магии.

— Ты принес клятву, — просипел Якоб. Ему казалось, что он еле шевелит опухшими губами. Тело горело, сознание готовилось соскользнуть во тьму. — Защищать меня и мой дом, пока ты жив.

Вместо ответа Вальд снова повернул его лицо, и на этот раз Якоб увидел зарево над черным замком. Колокола заголосили снова, только теперь язык их изменился — они говорили о победе.

— Твоего дома больше нет. Вальравны погибли. Можешь мне поверить, теперь вас будут преследовать везде — до самой Орракутты. Пойми, — Вальд пригладил его встопорщенные волосы отеческим жестом. — Если этого не сделаю я, смогут другие. Они надругаются над твоим телом, пока ты будешь еще жив. Генриху выкололи глаза, а сердце твоего отца вырвали, пока он дышал.

— Уж не ты ли это сделал? — Якоб вцепился ногтями в шероховатые пальцы Вальда. — Думаешь, они пощадят тебя?

— Я человек, — Вальд указал пальцем сначала на себя, а потом на него, — который принесет голову последнего наследника. Думаю, что к утру цена за тебя вырастет, но мне хватит помилования. Я буду защищать их, Якоб. — Вальд обвел руками поле, лес и даже уродливую громаду гор. — Я помогу им — всем, кто переживет эту ночь. Но для начала ты должен помочь мне. Пожертвуй собой — и ты спасешь тех, у кого еще есть надежда.

— Это кого? Тебя? Ты лгун, и ты знаешь, что бывает с теми, кто предает воронью кровь. — Якоб собрался и плюнул прямо в бледное лицо. — Ты будешь проклят навеки, Вальд Теодей.

Лицо Вальда потемнело, и его руки сдавили горло — сильнее и сильнее, и ночь сделалась еще чернее. Он пыхтел и все бормотал какие-то ненужные слова, в то время как мир Якоба вспыхивал, чтобы угаснуть навсегда. Якоб брыкался, но рубашка путалась и мешала ногам достать Вальда — да и какой вред мог причинить он, тщедушный ребенок, взрослому мужчине? Шершавые пальцы Вальда нащупали перо и сорвали его с груди. Якоб хотел закричать, но голос ему больше не принадлежал. Ногтями он вцепился в кожу Вальда, потом протянул руки к его лицу — белой точке, плавающей в темноте. Вальд громко всхлипнул — он что, решил рыдать? «Дохлая, — подумал Якоб с ненавистью. — Так долго возится. Лучше бы отрубил мне голову».

Видимо, такая же мысль посетила и Вальда, потому что он внезапно сполз, не говоря ни слова. Его

пальцы больше не давили на горло, и все же Якобу казалось, что они навсегда остались висеть на его шее. Попытался втянуть воздух и захрипел.

И тут Вальд закричал — пронзительно, истошно, коротко. Что-то хрустнуло и забренчало, а потом так же внезапно затихло. Голова кружилась, и мир носился вокруг Якоба, слепившись в одно размытое пятно.

— Что... ты... что ты там... — с трудом выдавил Якоб. Задышал носом часто и глубоко и с удивлением различил запах мокрой шерсти. Что-то влажное уткнулось ему в лицо, обдав жарким дыханием.

«Волки, — подумал Якоб. — Или медведь — их много развелось здесь за последние годы».

— Ко мне, Туша, бегом!

Голос был глухой и говорил странно — понадобилось время, чтобы он узнал гортанный язык горцев. Снег захрустел под ногами незнакомца, и Якоб попытался отползти прочь. Сейчас смерть от руки Вальда казалась благословением.

— Куда ты торопишься, птенчик? — Огонь обжег его лицо, и Якоб с трудом разглядел темную грузную фигуру и меха, волочившиеся по снегу. И торопливо зажмурился. — Мы с тобой еще не познакомились.

В следующий раз, когда Якоб открыл глаза, на него пристально смотрел каменный наконечник стрелы.

ГЛАВА 2

БОЛЬШАЯ ЦЕНА ЗА МАЛУЮ КРОВЬ

Младенец сбросил оцепенение с Тита, и он удивленно посмотрел на сверток в своих руках. Посмотрел — и тут же зажмурился. Все плыло перед глазами. Сколько он простоял вот так, под замковой стеной, судорожно сжимая хрупкое тело, Тит сказать не мог. Не помнил, как добрал сюда через двор и почему его никто не тронул. Возможно, к тому времени все были мертвы. Тит оглядел двор — изгаженную мертвую утробу Горта. Кишки серыми змеями расползлись по красному от крови снегу, повсюду разбросало деревянные обломки и каменную крошку. Люди и вороны. Слишком много людей и воронов. На Тита с недоумением уставился Генрих: одной рукой княжич держал меч, другой тянулся к перерезанному горлу.

Так, оцепенев и глядя в темные провалы на месте вороньих глаз, Тит простоял до очередного боя колоколов.

Они сообщали о победе. Тит поднял голову — над двором, приветствуя мертвецов, взвился стяг Мегрии:

рысь оскалилась на него с синего поля. Чуть помедлив, к нему присоединилось знамя императора Небры. Стены Горта высоки — отсюда Тит видел только мелкие темные фигуры, суетливо носящиеся взад-вперед. А они, без сомнений, видели его.

Девочка продолжала кричать, и Тит наконец решился взглянуть на нее. На черной ткани крови не было видно, зато она окрасила светлую рубашку дитя и крошечное лицо. Кровь уже запеклась, но вся правая сторона превратилась в один сплошной ожог. Из уцелевшего глаза текли слезы. Тит облизал горькие засохшие губы и помолился всем богам, которых знал. Его знобило.

«Надо найти лекаря», — подумал Тит, но заставить себя сдвинуться с места не смог. Отсюда был виден труп вороньего замка: обугленный, обглоданный, он походил на дикого зверя, загнанного в ловушку и скорчившегося в предсмертной агонии. Вороны были мертвы, и Горт сдался.

Темные окна выжидающе смотрели на Тита: «Ты тоже нарушишь свою клятву?» Титу нечего было ответить — ему, в отличие от Горта, теперь было ради чего жить.

— Моя Рунд... — Его пальцы оставили темную дорожку на влажной от слез и крови детской щеке. — Мое дорогое дитя. Прости меня, Рунд.

Едва ли девочка его слышала — один ее вопль тут же перерастал в другой, еще сильнее и громче. Она торопилась выдать их, и Тит уже сам хотел, чтобы его схватили.

В дыму сновали тени. Их осталось мало — Тит насчитал не больше двух десятков. Те, кого смерть пропустила в эту ночь, покидали Горт. Желание жить выталкивало их за распахнутые ворота, где они

ныряли в предрассветный сумрак — и он не мог их винить. Нужно уметь проигрывать. Тит хотел последовать за ними, но Рунд требовался лекарь. Наклонившись, Тит подобрал шестопер.

Снег и мусор хрустели под ногами, чужие волосы цеплялись за сапоги, и со всех сторон за ним с укором следили глаза мертвецов. Он почти слышал шепот из раззявленных ртов. «Ты жив, а мы нет». Тит осторожно перешагивал через тела, хотя им было все равно — топчи не топчи. Воздух отяжелел. Слишком много крови — Титу казалось, что она просачивается внутрь и набухает там, как гнойник. Он прошел мимо тлеющего остова башни и с трудом подавил желание броситься туда на поиски костей, крепче прижал к себе Рунд и сжал зубы.

В дальнем конце двора, сторбившись, голосила старуха — обнимала руками чью-то отрубленную голову и торопливо молилась. Титу захотелось подойти и сломать ей шею, затолкать в ее беззубый рот каменное крошево — что угодно, лишь бы она замолчала. Вместо этого он двинулся на задний двор. Охраняемые покойниками ворота так и остались распахнутыми. Тит поддел ногой чужой меч, и тот с дребезгом отлетел в сторону. Рыжий воин удивленно посмотрел на него остекленевшими глазами.

Нужная башня уцелела. Кто-то бросил дверь открытой, и пол покрылся тонким слоем снега. На нем отчетливо виднелись чужие следы — слишком большие для сухощавого старика-лекаря. К несчастью, они вели и внутрь, и наружу, и было непонятно, есть внутри кто-то или нет.

Тит боком протиснулся в коридор и остановился, прислушиваясь. Здесь пахло дымом, как и везде.

Спиной почувствовав чей-то взгляд, Тит резко обернулся и поймал на себе взгляд королевского воина. Синий плащ взлетал за его спиной, подхваченный ветром, и царапины змеились по позолоченным доспехам. Абнер привел с собой не больше сотни мечников, но среди них не было ни одного из золотой армии. Тит провел с ними пять дней и шесть ночей и точно мог сказать, что его окружали только собственные люди и мегрийцы в серебряной броне. Мужчине, стоявшему перед ним, неоткуда было взяться. И все же он находился здесь и терпеливо дожидался дальнейшей реакции Тита.

Заметив, что тот не торопится убежать, воин благожелательно улыбнулся. Снял шлем и не спеша обтер лицо. Невысокий, темноволосый и темноглазый, он годился Титу в отцы. Рунд закричала, а после затихла, впад в болезненное полузабытье.

— Если вы ищете лекаря, то мы отвели его в башню к королю. Его величество послал за вами, — спокойно сообщил мужчина и протянул ему широкую грязную ладонь. Меч при этом остался в ножнах, что совершенно сбило Тита с толку. — Ваша дочь? Наверное, пострадала в пожаре. Мне очень жаль.

И сукиному сыну правда было жаль — Тит видел искренность во взгляде. Он пошевелил губами, но так и не смог произнести ни слова в ответ. Может, вообще онемел и больше никогда ничего не скажет? Так было бы лучше. Тит крепче прижал к себе тщедушное детское тело — даже сквозь ткань плаща ощущался исходящий от него жар.

— Она обязательно поправится. Вам нечего бояться — тащианские лекари творят чудеса. Мы привезли одного из них с собой, чтобы помочь раненым.

На тот случай, если замковый лекарь не справится, конечно.

Раненым? Тит решил, что воин сошел с ума. Сам он не видел во дворе раненых — только мертвых.

— Будет хорошо, если оружие вы оставите здесь, — вежливо, но настойчиво попросил воин. — Меня зовут Вигго Натал, я командир правой золотой руки. Пойдемте со мной. Пойдемте. Вашей дочери нужна помощь. Вы, должно быть, ничего не поняли — его величество объяснит все куда лучше меня.

Не понимая толком, что делает, Тит обронил шестопер и послушно последовал за Вигго. Во дворе живые торопливо собирали мертвый урожай: и воины, и уцелевшие в боине слуги поднимали останки и сгружали их на носилки и тележки. Над стенами в серое рассветное небо устремлялись клубы черного дыма. Проходя мимо выломанных главных ворот, Тит увидел за стенами Горта огромные погребальные костры, испускающие запахи горелой плоти и палевого волоса.

— Нам сюда.

Вигго провел его знакомой дорогой к башне, в которой обычно останавливался Тит — обычно, но не в этот раз. Лучшие спальни — рядом со своими покоями — Норвол подготовил для высоких гостей, а Тита попросил разместиться в дальней деревянной пристройке. Воевода не возражал: в ней не так шумно, и Вела могла спокойно кормить и укладывать Рунд. Да и князю было важно получить благосклонность короля — его сын, кронпринц Абнер Стравой, ехал, чтобы закрепить договоренность. Весной ожидалась новая война. После нее король Стеврон обещал сдавить своими руками идунов и проложить

путь на запад, к Трем сестрам. Когда Норвол рассказывал об этом Титу, глаза его лихорадочно блестили.

«Не к добру, — подумал тогда Тит. — Лишняя война — лишняя кровь».

Но вслух ничего не сказал. Может быть, зря.

В каменных коридорах не горели факелы, но чем выше поднимались воины, тем становилось светлее. Над Равнскёгом загорелась алая полоса. Она становилась все шире и шире, и к тому времени, как они дошли до княжеской спальни, кровь затопила полнеба и первые солнечные лучи заплясали по темному камню.

— Отдайте ее мне. Даю вам слово, с ней ничего дурного больше не произойдет.

Тит успел напрочь забыть о Вигто и удивленно посмотрел на протянутые руки. Рунд захныкала и, едва очнувшись от обморока, снова завопила.

Дверь позади них распахнулась.

— Его величество ждет вас.

Улучив момент, Вигто поспешно забрал у Тита дочь и тут же исчез за поворотом. Противный дребезжащий звук его доспехов становился все тише и тише, в то время как сам Тит рассматривал Гарольда, одного из ближайших воинов Норвола. На том был все тот же серый плащ, и вышитый серебряными нитями ворон расправлял свои крылья на широкой груди. Гарольд улыбнулся Титу и отступил в сторону, давая дорогу.

— Прощу.

Абнер сидел за массивным столом князя и перебирал бумаги. Часть из них лежала в беспорядке на полу, другие юноша сжигал в разведенном камине, и огонь жадно пожирал исписанные Норволом пергаменты. Ставни были плотно закрыты, и Титу по-

надобилось время, чтобы рассмотреть: здесь, в спальне Норвола, стояли все теневые воины. Все, кроме зарубленного им Неода и Вальда, уведшего с собой княжича. Если тот сохранил верность князю, то все будет хорошо. Но если поступился своими клятвами, как и его братья... Тит вновь увидел широко распахнутые зеленые глаза Якоба, страх и ненависть. Мальчик ничего не понял.

Тит оглянулся. Гарольд прикрыл дверь и стал рядом с ней, сложив руки на груди. Полог рядом с кроватью был плотно задернут.

— Да, Тит Дага. Проходи.

Абнер приглашающе указал на стул, но Тит остался на ногах. За те несколько часов, что они не виделись, кронпринц побледнел еще больше. Светлые глаза лихорадочно блестели на узком скуластом лице, темные вьющиеся волосы в беспорядке разметались по плечам, а вокруг рта запеклась кровь. Ему было плохо. Тит слышал, что недуг сразил сына короля Мегрии еще в раннем детстве. Стеврону не повезло с наследниками: королева умерла первыми и последними родами, и вся надежда оказалась в хилых руках младенца. Инге болезнь обошла стороной, но власть в Мегрии передавалась женщинам, только когда не оставалось другого выхода. Не в пример империи, где ценилась сила — и не важно, кто ею обладал.

Левая рука принца держала бумаги твердо, но правая мелко тряслась. Абнер заметил пристальный взгляд Тита и убрал ее под стол. Титу не понравилась кривая улыбка, которой он при этом его одарил.

— Ваше величество? — Голос Тита прозвучал сипло, и он попытался откашляться. — Мне сказали, что меня ждет король.

— Тебе не солгали. Я бы на твоём месте присел. — Абнер снова показал на стул. Тонкие пальцы его были перепачканы в засохшей крови. — Столько новостей ни одни ноги не выдержат.

Тит на стул даже не взглянул.

— Мою жену убили ваши люди. Они напали на Генриха на моих глазах. Где князь и княгиня? — Он почувствовал, как в нём закипает гнев, и его руки затряслись так же, как рука Абнера. Улыбка кронпринца тут же сползла, уступив место скучающей гримасе. — Что произошло?

— Что произошло, что произошло. Ты вроде бы умный человек, и покойный Норвол тебя хвалил-расхваливал. Лучший мечник, умнейший воевода! Может, ты и впрямь умный, но говоришь как тупой. — Абнер позволил себе смешок. — Эй, Гарольд, будь любезен, открой окно.

«Покойный Норвол».

Гарольд послушно подошел и снял со ставен тяжёлый засов. Ветер осторожно прокрался в комнату — тут же запахло гарью, стали слышны крики и треск сучьев в огромных кострах. Мост был опущен, и по нему через ров мертвых отправляли в их последний путь. Над распахнутыми воротами, закручиваясь и сверкая в лучах рассвета, один над другим реяли стяги империи и Мегрии.

— Видишь, я даже похоронить их решил согласно дурацким обычаям. А ведь мог отрубить головы и украсить ими всю стену вокруг Горта — за предательство и пособничество в покушении на кронпринца, который — осмелюсь заметить! — явился сюда на переговоры. За жену извини, — принц прикрыл глаза и потер переносицу, — этого в моих планах не было.

Мне жаль. Можешь не верить — действительно жаль. Я не хотел, чтобы она умерла. Но воины... — Абнер пошевелил пальцами и презрительно скривился, — любят насилие. Кому, как не тебе, это знать. Закрой окно, Гарольд. Холодно.

В спальне было душно, но Абнера трясло все сильнее — он сам подбросил в очаг дрова и выпрямился.

— Сядь на этот проклятый стул, или я распоряджусь приколотить к нему твою тощую задницу. Где твоя дочь? Она жива?

Тит стиснул челюсти, но взял верх над своей гордостью и осторожно опустился на черный бархат. Теперь их с Абнером лица оказались на одном уровне, и принц заметно успокоился.

— Она пострадала. В пожаре. Не знаю, выживет ли. Ее забрал ваш командир, Вигто...

— Натал, да. Я привез с собой лекарей, они сделают все, что потребуется.

— Он говорил об этом.

Повисла пауза. Тит оглянулся — эти теневые воины, лучшие из лучших, ловкие, текучие, словно вода, преклоняли колени вместе с ним в сыром осеннем лесу. Они пили из одной чаши, произносили одни и те же обеты. Многих он считал своими друзьями. Тит обратил внимание, что трое из них переместились ближе к укрытой за бадахином кровати. Абнер истолковал его взгляд по-своему.

— Гарольд, Хоук, Хед — останьтесь. Остальные могут уйти. Этот человек не опасен.

Тит и впрямь ослабел, таким уставшим он не чувствовал себя давно. Его руки лишились последней силы, как только у него забрали девочку, — и ярость, которую он испытывал, очень быстро погасла. Ему

хотелось забиться подальше в угол. Пусть даже его отправят в темницу — без разницы. Вот только, закрыв глаза, Тит видел лицо Велы, страх в ее распахнутых глазах и кровь, смертельными узорами изрисовавшую бледную кожу.

— Я отправил на тот свет двоих воинов серебряной руки, — глухо сообщил он Абнеру. Тот не удивился.

— И поделом. Если бы не ты, их казнил бы я. Трогать женщин и детей — последнее дело. — Тит вздрогнул. — В конце концов, мы должны давать шанс всем, прежде чем их вешать. Конечно, исключения есть всегда. Честно говоря, Дага, я думал, что ты ринешься спасти этого вороненка — Якоба, самого младшего из Наитов. Куда он делся, ты не знаешь?

Светлые глаза принца смотрели пристально, и в них не было сомнений или неуверенности. Он точно знал, что делал. Тит покачал головой.

— Ладно. Я рассчитывал на другой ответ, но люди, отправленные в погоню, обязательно его отыщут. Шегеш не так велик, а через горы ему не перейти. Тени говорят, что среди них нет какого-то Вальда — возможно, он взял миссию по спасению на себя. В любом случае, Дага, как я уже и говорил, мы должны давать шанс всем. Это я о тебе. — Абнер снова улыбнулся окровавленным ртом. — Все очень просто.

— Вы говорили о предательстве.

— Вы говорили о предательстве, ваше величество, — пропел Абнер и постучал себя по голове. — Здесь нет короны, но — можешь на меня полностью положиться — перед тобой сидит сам король Мегрии. Видишь ли, за прошедшую ночь очень многое изменилось.

С этим Тит не мог не согласиться.

— А как же Стеврон?

Абнер поднял с пола два кубка и потянулся к кувшину — Тит заметил, что рука его перестала дрожать.

Налив вина, Абнер придвинул один из кубков Титу.

— Думаю, что мой драгоценный отец почил еще вчера. Сам понимаешь, новости в эту глушь доходят с опозданием, но и тут можешь мне поверить — вчера, не сегодня. Стоило мне покинуть Амад, как люди взбунтовались против своего правителя. Я, конечно, ничего не видел, но готов биться об заклад: Совет Десяти снял голову моего отца и насадил ее на пику прямо над главными городскими воротами. Отвратительно, должно быть, — глядеть после смерти на страну, которая тебе больше не принадлежит, — пригубив из кубка, Абнер скривился. — Ужасное пошло. Вчера на ужине подавали куда лучше.

— Это подстроил ты, — Тит неприязненно посмотрел на юношу и решил отбросить незаслуженные титулы, — убил родного отца. — Может, он его даже казнит за дерзость.

Но Абнер сделал вид, что ничего не заметил, и удивленно округлил глаза.

— Да ты и в самом деле дурак. Я уже больше недели отсутствую в Амаде. Как бы я сумел одновременно и тут посидеть, и там бунтами руководить?

— Но ты убил Норвола и его семью. Этого-то ты отрицать не сможешь.

— Даже не собираюсь. Однако есть разница между «убил» и «защищал себя от нападения», ты не находишь?

Не дождавшись от Тита ответа, Абнер откинулся на спинку кресла и утер капли вина, оставшиеся на губах.

— Раз уж ты решил панибратствовать, давай говорить прямо — мой отец был дураком. Причем дура-

ком в короне, а значит, дураком опасным. Это стало понятно, еще когда он пошел на Веребур. Помнится, все, чего он там добился, — это вид голого зада Дамадара да его загаженной юбки. Я слышал, он вывесил ее на самую высокую скалу вместо белого флага. — Абнер хохотнул. — Многое бы отдал, лишь бы увидеть выражение отцовского лица. Да что я тебе рассказываю? Дага, ты же ходил вместе с ним. Ну и как, скажи, тебе пришлось общение с веребурцами?

Тит помнил этот поход. Он состоялся еще до его свадьбы, но сразу после того, как Тит поклялся в верности Норволу и поцеловал его черный клинок. Князь поручил ему вести отряд под собственным знаменем: клинок-дага на черном фоне и рукоять — в когтях серебряного ворона. Как он собой гордился! Ему только исполнилось семнадцать, а он уже — командир войска, пусть и маленького. За верность Норвол подарил ему небольшой, но плодородный удел, а в жены отдал дочь старшего воеводы. Жизнь складывалась удачно, и война должна была принести славу. Но все получилось иначе.

— Ты знал, что твой князь и мой отец хотели объявить войну Тацианской империи? Можешь представить, что случилось бы, воплотись в жизнь хотя бы часть их грандиозных планов? Я спас всех. Ценой малой крови. Ее иногда нужно пролить во имя мира.

— Никто тебе не поверит.

— Никто? — Абнер прищурил глаза, выискивая что-то в бумажном хаосе. Его окровавленные пальцы сновали между пергаментов, пачкая все, к чему прикасались. — Старый подлец желал моей смерти. Он видел во мне угрозу — в своем собственном ребенке! Сначала хотел сослать меня на острова, чтобы я подох

там среди вонючих дикарей. Но после ему пришлось в голову куда более приятное и быстрое решение проблемы.

Абнер протянул бумагу, но Тит даже не пошевелился. Свечные блики танцевали на лице Абнера, лоб его покрылся каплями пота, крылья носа гневно раздулись. Кровь потекла изо рта по подбородку, но принц — или король, как он себя называл, — этого даже не заметил.

— Ты ел хлеб князя Норвола. А потом убил его. Разве так поступают честные люди?

— Честные люди, — фыркнул Абнер, — да кому они нужны? Открою тебе тайну, Дага: почти все они давно лежат в могилах. Честных людей хоронят чаще, чем лжецов и негодяев. Ты не знал?

Он нетерпеливо дернул рукой, но Тит сидел не двигаясь.

— Или ты хочешь к ним присоединиться? — Абнер щелкнул пальцами, и к ним приблизился Хед, выпучил свои рыбки глаза на Тита и застыл в ожидании указаний. — Научи воеводу чтению.

Тит выхватил бумагу прежде, чем ладонь Хеда опустилась на его щеку. Абнер удовлетворенно кивнул. Тит придвинул к себе одну из свечей и нахмурился. Почерк был ему незнаком, но печать внизу принадлежала королю Стеврону — рысь с хищно раззявленной пастью. Слова бежали, бежали, бежали, и Титу казалось, будто он сходит с ума, потому что понимал все, о чем здесь говорилось. К большому сожалению. Закончив читать, Тит едва удержался от того, чтобы поджечь пергамент и позволить ему сгореть. Все это время Абнер сидел молча и наблюдал за ним — Тит чувствовал на себе его тяжелый немигающий взгляд.

— Это неправда.

